

«Пасхальный мир» Николая II, когда звонил колокол по Витте*

Таирова Нэлли Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Доцент кафедры государственного и муниципального управления

Кандидат исторических наук, доцент

mmandrik@mail.ru

РЕФЕРАТ

Интерес к дальневосточной политике, к азиатской культуре у Александра III пробудил его крестник — П. А. Бадмаев, затем она стала привлекать Николая II и его окружение, так называемую «безобразовскую клику». Министр финансов Ю. С. Витте пытался противостоять авантюрной политике на Дальнем Востоке, но в отстаивании государственных интересов был обвинен современниками в устройстве «виттевской» республики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

дальневосточная политика, Александр III, П. А. Бадмаев, С. Ю. Витте, Николай II, кн. Э. Э. Ухтомский, Ли Хун-чжан, переселение народа и отмена ссылки в Сибирь (1900), слухи Яхт-клуба, А. М. Безобразов, «безобразовская клика», дальневосточная республика Витте

Tairova N. M.

«The Easter World» of Nicholas II during the Bell for Witte Tolled

Tairova Nelly Mikhailovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management

PhD in History, Associate Professor

mmandrik@mail.ru

ABSTRACT

Interest in the Far East policy, in Asian culture of Alexander III was awakened by his godson — P. A. Badmayev, then it began to attract Nicholas II and his environment, a so-called “bezobrazov clique”. The Minister of Finance Yu. S. Witte tried to resist to adventurous policy in the Far East, but in upholding of the state interests has been accused by contemporaries in creation of Witte republic.

KEYWORDS

Far East policy, Alexander III, P. A. Badmayev, S. Yu. Witte, Nicholas II, E. E. Ukhtomsky, Li Hoon-Chzhan, resettlement of the people and cancellation of Siberian exile (1900), rumors of Yacht-club, A. M. Bezobrazov, “bezobrazov clique”, Far East republic of Witte

Дальневосточная политика России конца XIX — начала XX вв. становится наследной политикой — от Александра III она перешла к Николаю II. Как ни странно, но Александр III в судьбе цесаревича увидел воплощение своих не реализованных мечтаний, т. е. продолжение тех дел, что не успел свершить за время своего правления. Именно с этой мечтой Александра III плыл в кругосветное путешествие Николай. Путеводным знаменем становится не Ближний Восток, не Индия и тем

* Продолжение. Начало см.: Управленческое консультирование. 2016: № 3. С. 166–183; № 9. С. 159–171; № 10. С. 173–184.

более не Япония. Только российская земля — ее Дальний Восток и Сибирские просторы.

Еще будучи наследником, вел. кн. Александр Александрович стал крестником тибетского мальчика Жамсарана Бадмаева (1851–1920), принявшего при крещении православное имя — Петр Александрович (имя в честь Петра I, а отчество — от крестного). П. А. Бадмаев получил университетское образование в Петербурге, определился на службу в Департамент и служил в Министерстве иностранных дел до 1893 г., одновременно с государственной службой практиковал тибетскую медицину. Он очень быстро достиг чина статского советника и генеральского звания, однако широкую известность получил лишь в связи с уходом из системы государственной службы, когда стал именовать себя доктором тибетской медицины.

П. А. Бадмаев был одержим замыслом присоединения к России азиатских стран — Китая, Монголии и Тибета через сближение их культур с русской культурой. Он полагал, что этот регион должен находиться под влиянием «белого царя» и православия. Александру III такая перспектива импонировала, но для этого необходимо было преобразовать Сибирь и Дальний Восток. В докладе Александру III относительно записки Бадмаева министр финансов С. Ю. Витте указывает на культурно-просветительную миссию, которую приняла на себя Россия по отношению народов Востока. В отличие от народов западноевропейской культуры, стремящихся к экономической эксплуатации в отношениях с азиатскими народами, Витте обращает внимание на усилившийся антагонизм в делах Востока между Россией и Западной Европой. В полном объеме строительство Сибирского пути могло вписаться в культурно-просветительную работу с народами Востока [6, с. 78–79, 82.]. Именно под воздействием фантастических идей Бадмаева и открывшихся перспектив, царь решил организовать для Николая образовательное путешествие в 300 дней (1890–1891) в азиатские страны. К разработке плана путешествия были привлечены представители Генерального штаба и Синода. Из этого следует, что путешествие Николая становится первоначалом дальневосточной политики, разработанной в кабинетах Азиатской части Генерального штаба для цесаревича. Тщательно составлялся не только план грандиозного путешествия, но и состав окружения цесаревича. В свиту цесаревича попали опытные мореплаватели, востоковеды, золотая молодежь России. Среди опытных мореплавателей выделялся Е. И. Алексеев (неизвестного происхождения, хотя считался внебрачным сыном Александра II). В 1892 г. он будет произведен в контр-адмиралы и назначен начальником Главного морского штаба. При Николае II войдет в «безобразовскую клику» с назначением на должность наместника Дальнего Востока. Заметной фигурой в кругу окружения цесаревича стал князь Эспер Эсперович Ухтомский (1861–1921). Известный востоковед был приглашен в качестве историографа путешествия наследника. Еще в студенческие годы кн. Ухтомского заинтересовали буддийские традиции, а работая на службе в Департаменте МИД, он неоднократно посещал Монголию, Китай, Забайкалье. Вполне вероятно, знакомство Ухтомского и Бадмаева произошло именно в стенах Департамента МИД. Что касается кругосветного путешествия, то во время путешествия кн. Ухтомский сблизился с Николаем. В дальнейшем это помогло ему в карьерном росте: в 1895 г. он возглавил «Санкт-Петербургские ведомости», а в 1896 г. его произвели в чин камер-юнкера. Как сообщает Витте, в одной из поездок в Китай, Бадмаев «подлез» к кн. Ухтомскому, а после командировки кн. Ухтомский свел Бадмаева с цесаревичем Николаем. С приходом в Министерство финансов, Витте обратил внимание на кн. Ухтомского как на яркую личность. Возможно, именно он способствовал пониманию Витте, что в дела своего министерства следует привлекать специалистов, по тем или иным вопросам, чтобы квалифицированно принимать решения. Витте сблизился с кн. Ухтомским в начале 1893 г., а уже в феврале князь знакомит Витте с Бадмаевым. Таким образом, Бадмаев расширил круг своих зна-

комств из высокопоставленных лиц. Этот симбиоз трех талантливых личностей — Витте, кн. Ухтомского, Бадмаева — просуществовал недолго, но внес определенный вклад в содействие российской дальневосточной политики. Бадмаев представил в этом же году масштабный проект, сутью которого являлось добровольное присоединение к России «монголо-тибето-китайского Востока».

Первоначально Витте, как и Александр III, был очарован идеями Бадмаева, считая его проект фантастическим. Корнем дальневосточной политики становится «новая» в практическом смысле политика — строительство Сибирской железной дороги. По плану Александра III сооружение Транссибирской магистрали должно было соединить Европейскую Россию с Владивостоком, проект Бадмаева уходил географически в глубь Маньчжурии и рельсовый путь напрямую должен был выйти на Пекин. Как видно, Витте первоначально поддержал проект Бадмаева перед Александром III. Он считал, что замысел Бадмаева весьма серьезный и заслуживает «полного внимания»: «Россия с берегов Тихого океана и высот Гималайских гор будет господствовать не только в азиатских, но и европейских делах», а главное — в этом проекте заслуживал внимания вопрос «о финансовом процветании Сибирской дороги и соединения ее с экономическими ветвями китайских провинций» [6, с. 80].

Одновременно Витте стал присматриваться к личности Бадмаева, улавливая в нем человека, склонного к рискованным и сомнительным делам. Он характеризует Бадмаева как «типичнейшего азиата», но человека «весьма умного» [там же, с. IV]. Что касается его практики лечения, то Витте считал, что в этом отношении имеется доля шарлатанства. Более того, и Витте, и кн. Ухтомский заметили, что тибетское врачевание сопровождается интригами и политикой. Увлеченность проектом Бадмаева прекратилась у Витте, когда в 1893 г. тот потребовал на свое предприятие правительственной денежной поддержки. Одно дело поддерживать словесно, а другое — обеспечивать из казны сомнительное предприятие. Витте, используя свои полномочия министра финансов, решил притормозить выдачу средств под видом отсрочки. Но увлеченный идеями освоения Дальнего Востока, Александр III настоял на выдаче требуемой суммы. Идя навстречу царю, Витте все-таки нашел компромиссный выход из трудной ситуации. Витте понимал, что кредит в 2 млн руб. невозможно выдать секретно, иначе скомпрометирует себя как министра финансов. Кроме того, для него было очевидно, что план Бадмаева не что иное, как фантастическая афера, но против желания Александра III выступать не посмел. Поэтому выплачивать обещанную сумму стал частями [6, с. 81–82, 101–102]. После почившего в Бозе Александра III, «бадмаевские авантюры» станут раскручиваться с новыми лицами и вызовут новый подъем в решении проблем Дальнего Востока [2, с. 49].

Между тем при Николае II Бадмаев вновь предпринял попытку получить крупную сумму из казны, продолжая «околпачивать» Романовых. Витте в этом случае смог пресечь его неумные желания и отказал в выдаче средств [6, с. 106–107, XX–XXIV]. По инициативе Витте был учрежден коммерческий Русско-Китайский банк, Устав которого утвердил Николай II 10 (22) декабря 1895 г., а его директором-распорядителем был избран кн. Ухтомский (1896–1905). Но Бадмаев не успокоился в своем поражении и 26 декабря 1896 г. к письму Николаю II с поздравлением великого праздника Рождества Христова приложил письмо к Витте. В этом письме он просит Витте вспомнить начало их знакомства и призывает изыскать денежные средства для его экспедиции на Восток. Такой прием давал возможность Бадмаеву показать каждому из них — царю и Витте — свою самостоятельную роль в решении определения полезности дел среди монголо-китайско-тибетского населения. Будучи восточным человеком, он прозорливо утонченным взглядом подметил слабость в характере Витте — боязнь потерять призрачное влияние на царя. Но одновременно Бадмаев дает нравственный урок и царю, указывая Витте, что цари-по-

мазанники в России находятся под влиянием или всех своих подданных, или сами влияют на всех своих подданных, не исключая своих министров. Бадмаев доносит до Витте сведения о существовании слухов, согласно которым царь находится под влиянием Витте. Задавая ему риторический вопрос, он пытается утвердить свое положение при царе: может ли царь слушаться постоянно Витте, если рядом с ним находятся «лучшие люди государства» и разве у государя не могут возникать «самостоятельные взгляды на дела» [6, с. 102–103].

Бадмаев напоминает Витте, что он только умом обнимал Восток, но энергично смог изыскать средства на проведение Сибирской железной дороги. Бадмаеву для проведения его работы с тибетским народом дополнительно нужна была сумма в 2 млн руб. и для того, чтобы эту сумму получить, он ведет тонкую дипломатическую игру. Бадмаев лестно подмечает деловые качества Витте, которые сыграли важную роль в проведении Сибирской железной дороги, дескать, он уже тогда понимал значимость строительства железной дороги, рентабельность которой могла бы повышаться, если ее соединить с внутренними провинциями Китая. Бадмаев открыто намекает Витте на свою персональную значимость в проведении дальневосточной политики при Александре III. При этом Бадмаев недоумевает, ведь он получил одобрение со стороны Витте по всем позициям и только по одному поводу не получил его согласия — о полном преобразовании Приамурского края. Дело в том, что Бадмаев хорошо усвоил принципы построения государственно-административного управления Петербурга, так как сам был одно время его представителем. Еще ранее он предложил учредить должность «главноуправляющего Забайкальским и Приамурским краями», придав ему особенные полномочия и права министра с последующими статусными привилегиями — члена Госсовета и Комитета министров [6, с. 94]. Возможно, Витте именно в этом усматривал опасную игру Бадмаева: все становилось на круги своя и его предложение было весьма прозрачным. Бадмаев, наверняка, эту должность метил под себя. Но и Витте не мог не знать, что выданная им Бадмаеву из казны сумма в 2 млн руб. бесследно исчезла, растворившись в бескрайних монголо-тибетских краях. Более того, было известно, что, находясь в Китае, Бадмаев вел себя недостойно и двусмысленно. Поэтому, «усмотрев в нем умного, но плутоватого афериста», Витте и кн. Ухтомский решили порвать с ним всякого рода отношения [2, с. 49]. Витте все более опирался на кн. Ухтомского, используя его опыт и знание восточных традиций и языков в делах с Китаем. Витте, наконец, нашел свой вектор направления в дальневосточной политике — строить дружественные отношения с Китаем и самому решать, что необходимо и важно для России от Китая. Так, к встрече в 1896 г. с именитым китайским сановником Ли Хун-чжаном (1823–1901) он привлекает лишь одного кн. Ухтомского. Официально Россию представляли на переговорах С. Ю. Витте и министр иностранных дел кн. А. Б. Лобанов-Ростовский. Перед началом переговорного процесса стороны традиционно обменялись ценными подарками. Ли Хун-чжан преподнес С. Ю. Витте знаки отличия мандарина — циньского чиновника высокого ранга и другие подарки от его величества богдыхана (вдовствующей императрицы-регентши Цы Си). Со стороны России, ответный подарок хитрый китаец не принял и попросил предоставить ему возможность этим заняться самому. Российская сторона не возражала и не отказала ему в этом праве. Встреча с некоронованным королем Китая Ли Хун-чжаном проходила в дни коронации Николая II в Москве. На нее возлагали большие надежды, поэтому готовились тщательно, учитывая персональную важность китайского гостя (формально он занимал пост наместника столичной провинции). Так, купец Перлов, торговец китайским чаем, специально к приезду Ли Хун-чжана выстроил особняк в китайском стиле. Перед переговорами, которые должны были состояться после коронации царя, высокого гостя повезли на Нижегородскую ярмарку, где в павильоне Алтая «старому китайцу» понравился

редкостный по красоте изумруд. Оценив степень красоты восточного камня, китайский гость тут же решил воспользоваться правом выбора своего подарка, ибо являлся коллекционером уникальных драгоценных камней, прежде всего — алмазов, рубинов, изумрудов. Взяв в руки изумруд, он своеобразно стал манипулировать руками, поднося камень, то к одному, то к другому глазу, а потом рука с камнем вообще исчезла в широком рукаве. После коронации китайский канцлер Ли Хун-чжан был принят царем. Переговоры вел С.Ю. Витте при участии кн. Ухтомского. На переговорах 3 июня 1896 г. был подписан секретный военный договор, который среди дипломатов стали называть «виттевским», только затем в августе был заключен официальный контракт на постройку русской железной дороги в Маньчжурии (КВЖД) [9, с. 40, 56–57; 13, с. 200, 203–204]. В 1897 г. Витте отправил кн. Ухтомского с визитом во главе ответного посольства в Пекин. Вполне вероятно, тесное сближение князя с Витте вызвало определенную реакцию у Николая II, десятилетняя дружба с князем вдруг стала затухать и кн. Ухтомский к 1900 г. потерял влияние на Николая II [12].

В своем побуждении строить КВЖД Николай II и Витте видели акт продолжения Транссибирской железной дороги, строительство которой являлось образцом политики Александра III. Каковы же были масштабы строительства КВЖД? Известно, что Николай II принял вариант строительства по Витте, а Витте как всегда мыслит глобально, перечеркивая все другие мнения, которые не совпадали с его личными представлениями на проблему освоения Дальнего Востока и Маньчжурии. Своей версией он очаровал не только официальный Петербург, но и китайского посланника — Ли Хун-чжана, что не помешало для успешности переговоров пообещать ему на всякий случай приличную взятку в 500 тыс. руб. (взятка полностью не была вручена), а другому китайскому сановнику — 250 тыс. руб. Витте в своих воспоминаниях отмечает, что факт взятки, действительно, имел место в переговорах. Он в воспоминаниях сознается, что это был единственный раз, когда ему пришлось использовать в переговорах с китайцами взятку [2, с. 142].

Маньчжурский вариант строительства железной дороги с выходом к Тихому океану стратегически имел свою привлекательность, но были и противники, в роптании которых слышалось, что как-то сомнительно развивать Китайскую сторону, когда не освоен русский Дальний Восток. Витте стал осуществлять гуманитарную миссию в Сибирь — переселение и освоение Сибири и Дальнего Востока. Правительство официально с 15 апреля 1896 г. разрешило переселяться крестьянам в сибирские края, но лишь с 20 января 1897 г. началась выдача первым «ходокам» казенных «проходных свидетельств». Крестьяне первыми получили главный документ для переселенца¹.

Одновременно началось строительство КВЖД, официальная хроника строительных работ зафиксировала дату начала — 28 августа 1897 г., а спустя шесть лет — 1 июня 1903 г. — введение в эксплуатацию. Успех маньчжурского проекта был грандиозным. К нему приложила свои усилия лишь одна Россия, а успехами воспользовались, прежде всего, жители Китая — они вскоре стали переселяться, осваивая те территории, где пролегла железная дорога.

Совершенно не удивительно, что Николай II, как и Витте, открыл в себе стремление к глобальным масштабам строительства на Востоке. Николай II был первым русским императором, который проехал по Сибири и увидел ее неограниченные возможности. Следом за переселением и строительством железных дорог возникла идея изменения статуса Сибири: из Сибири — каторги превратить Сибирь в территорию, использующую культурный и интеллектуальный потенциал человека.

¹ Происхождение названия и первые поселенцы с. Солянка [Электронный ресурс]. URL: hssh1.ucoz.com/shkoly...solyanka...nazvaniya...pervye (дата обращения: 20.03.2016).

Важным шагом являлось решение Николая II об издании «Величайшего повеления об отмене ссылки» (Указ от 12 июня 1900 г.), утверждавшим, что Сибирь не заслуживает участи каторги, что с Сибири необходимо снять «тяжелое бремя местности, в течение веков наполняемой людьми порочными». Николай II первый российский царь, изменивший государственную политику в отношении Сибири и первый, при котором пришел конец трехвековой каторжной колонизации Сибири. На решение царя в этом вопросе не могли не влиять реформы Витте, но и свое собственное видение развития этого края позволило сосредоточиться на идеи освоения дальневосточных земель.

Очевидно, что любая глобальная идея не могла осуществиться, если рядом не реализовывались ее тактические задачи: следом за строительством железных дорог шло гуманитарное переселение народа, а соответственно ускорялось банкротство колонизации Сибири как местности для каторжных работ. Безусловно, ставка на развитие Сибири принципиально меняла экономические и политические границы России. Политический расчет состоял в том, чтобы Россия имела не только протяженность до Тихого океана, но и новый внешний образ для мира. Россия становилась крупным геополитическим игроком или лучше сказать, в России зарождалась сверхдержава.

Повелением об отмене каторги Николай II дает сигнал обществу об изменении государственной политики, уменьшения в ней деспотизма и установления справедливого отношения к людям. По сути, в России сама власть совершила сверху «преобразование» (лат. *renovation*), отразив в своих действиях идеалы и стремления многих представителей русской интеллигенции. Буквально через четыре года после коронации, Николай II без социальных потрясений в эпоху абсолютизма стал первым русским монархом, который оживил не только общественное сознание, но и повел общество в сторону либерализации. Здесь все ясно указывает на то, что интересы Витте не противоречили интересам Николая II. Соответственно, на тот момент они понимали друг друга и у них, там, где вопросы касались Сибири, а также строительства железной дороги, о разногласиях не могло быть и речи.

По понятным причинам от Витте постоянно требовали оплачивать дальневосточные интересы, существовала необходимость вливания денег в Русско-Китайский банк на строительство КВЖД. Видный государственный деятель В.И. Гурко так характеризует ситуацию на Дальнем Востоке: все было прозрачно, без обмана и все понимали, что под видом частных предприятий был фасад государственный. Но при этом он замечает, что Витте распоряжался «без соблюдения сметных и иных правил расходования казенных сумм» из фонда банка. То есть выходило, что деньги были выведены из-под контроля фискальных и общественных организаций.

Не лишая себя удовольствия уколоть Витте, В.И. Гурко подчеркивает, что он все делал под напором жадности творчества и властолюбия. И не столько он содействовал деятельности на Дальнем Востоке, сколько из желания угодить государю, предоставляя ему возможность проявить свою личную волю [4, с. 310].

Витте сообщает интересную деталь, на тот момент мало было лиц среди чиновников, которые имели бы ясное представление о географическом положении Китая, Кореи и Японии. В силу того, что ему было поручено заниматься этим вопросом, то из всех государственных деятелей, единственный, кто изучил и разбирался в этом деле, был только он один (вероятно, имелось в виду «из министров»). По мнению Витте, все остальные были полные невежды. Показателен пример: кн. А.Б. Лобанов-Ростовский, назначенный министром иностранных дел в 1895 г., о делах Дальнего Востока не имел никакого понятия и находился на уровне знаний гимназиста второго класса [2, с. 44]. Неслучайно в связи с дефицитом профессиональных советников к императорскому трону так близко могли подступаться аферисты различных мастей. Используя доверчивость русских царей, они в личных интересах

запускали свои руки в государственную казну, создавая себе привилегированные условия жизни.

С 1898 г. усилилось влияние действительного статского советника А. М. Безобразова (1853–1931) на дальневосточную политику, проводимую Николаем II. В молодые годы он служил адъютантом у гр. И. И. Воронцова-Дашкова, был избран секретарем Исполнительного комитета «Священной дружины». Известно, что новый фаворит Безобразов демонстративно был приближен к императору членами Яхт-клуба, в частности в. кн. Александром Михайловичем (Сандро) и гр. И. И. Воронцовым-Дашковым [8, с. 142]. Совершенно очевидно, что Николай II задыхался от опеки как со стороны царицы-матери и дядей, так и давившей на него многоглавой бюрократии. Как правило, юный царь тактично соглашался с мнением своих дядей и министров, но такое положение тяготило его, поэтому легко сходиллся с «новыми» людьми, они всегда привлекали Николая II. Государь, чтобы освободиться от всех назиданий, пытается сменить устоявшийся порядок и тех лиц, которые устанавливают этот порядок. Он находит в себе решимость и прорывает в этих отношениях брешь, чтобы проявить свою инициативу.

Именно после 1900 г. возле Николая II образовалась лакуна, которую постепенно заполнила «партия войны», так называемые «безобразовцы», которые не входили в систему правительственных ведомств и не занимали официальные посты, но беспрепятственно со многими представителями этих ведомств могли вести государственные дела. По этой причине Витте новое окружение императора называет «безобразовской» кликой (*factio*). В античном Риме *factio* называли сильную политическую группу людей или партию причастных к тайной политике и интригам, включающую в себя верхушку нобилитета [10, с. 189–190]. Витте производит название «клики» не от понятия «безобразие», а от фамилии нового фаворита его величества А. М. Безобразова. Причем вкладывает в смысл словосочетания «безобразовская клика» именно тот подтекст, который ассоциируется применительно к политике с понятием «возмутительный».

Несомненно, вокруг царя слишком ограниченный был выбор несистемных, так называемых «новых» людей. Однако не все из них играли главную роль в политике страны. Любопытна судьба некоторых «новых» людей, которых представил царю его друг (одновременно двоюродный дядя и муж родной сестры) в. кн. Александр Михайлович Романов. Пожалуй, не понятно, почему в. кн. Александр Михайлович представлял тех людей царю, чья репутация не соответствовала тому, чтобы они имели такого уровня покровителя, как царь. То ли это были преднамеренные действия, зная, что его друг неразборчив в людях, то ли боялся, чтобы рядом с царем не было сильных конкурентов, стремясь влиять на него. Во всяком случае уровень культуры самого в. кн. Александра Михайловича снижал его личную репутацию до степени «неразборчивого» человека. Ведь именно он обратил внимание в 1898 г. на статистика Министерства путей сообщения А. А. Клопова (1841–1927) и сразу же представил его царю. Статистик получил право писать прямо на имя царя о насущных проблемах в стране. Царю казалось, что общение с простыми людьми позволит ему больше узнать «правды» о жизни народа. По этому случаю Клопова снабдили билетом I класса для бесплатного проезда, он даже получил возможность содержать нескольких помощников для сбора необходимых сведений [8, с. 300–301]. Однажды царь поручил ему важное задание: проехать в те местности, где случился неурожай и сделать доклад о положении людей. Царь сам снабдил Клопова личными незначительными средствами (300 руб.) и вручил на предъявителя собственноручную записку, для исполнения местной властью его требований. Так вот, В. И. Гурко иронизирует по поводу анекдотичности ситуации, когда этот мошенник с запиской царя пришел в Министерство путей сообщения и потребовал для себя отдельный особый вагон для поездки по стране, а столичные чиновники тотчас же

исполнили все его требования. Но когда он прибыл в Тулу, местные чиновники, получив его указания, не растерялись и незамедлительно пожаловались министру И. Л. Горемыкину. В свою очередь, министр тотчас доложил царю о тревожном сообщении, с назиданием объяснив ему, что невозможно посылать в командировки безответственных, никому не известных людей. Николай II беспрекословно отозвал своего протеже. Однако государь еще продолжительное время не прекращал сношения с Клоповым и тот оставался одним из его закулисных советчиков [3, с. 360; 4, с. 270–271]. Одновременно с царем, Клопова в качестве двойного тайного корреспондента использует Витте. Клопов нужен был Витте исключительно для важных вопросов, когда сам не мог влиять на царя, но, зная слабость царя к людям от народа, он прибегал к его услугам. В. И. Гурко указывает, что на царя и царицу в течение известного времени оказывали влияние различные советчики, «не имеющие по своей должности никакого касательства к государственным делам». Среди них известны кн. В. П. Мещерский, военные коменданты П. П. Гессе, Д. Ф. Трепов, В. Н. Воейков и, наконец, близкая подруга царицы — А. А. Вырубова [3, с. 358], а с 1905 г. у них появляется личный «друг» Г. Е. Распутин (Новый).

Возможно, такой состав приближенных вполне отвечал мышлению царя. По природе синтез был ему не доступен, воспринимал быстро только мелкие черты и факты, широкие образы и общая картина мира воссоздавались вне его сознания другими людьми. Как отмечает Гурко, Николай II был своего рода «миниатюрист», т. е. абстрактные положения и юридическое мышление усваивались им с трудом, да и вообще были чужды ему. По собственному признанию, царь мог отдыхать с душой, лишь в своей среде — среди гвардейских офицеров [3, с. 354, 355].

Понятно, что А. М. Безобразов (1855–1931) на фоне обыденности стал бенефициарием в окружении царя. Безобразов служил в лейб-гвардии Гусарском и Кавалергардском полках. Так вот, поскольку Безобразов имел соответствующее военное образование, то был близок по духу царю. Безобразову для знакомства с Николаем II позволили даже привезти никому не известную жену, постоянно живущую по нездоровью в Женеве [8, с. 141–142], настолько высоко ценили его покровители. Что касается участников «безобразовской» клики, то в нее входили гвардейский полковник, владелец золотых приисков на Урале В. М. Вонлярьский (1852–?), контр-адмирал свиты его величества А. М. Абаза (1853–?), военный агент России в Китае К. И. Вогак (1859–1917), дальневосточный наместник адмирал Е. И. Алексеев (1843–1918) и др.

На фоне безликой «безобразовской» клики и неизвестной общественности группы людей С. Ю. Витте выглядел очень «большим» и известным человеком. Безусловно, он становился для них главной помехой, только физическое устранение с этой должности могло принести им покой. Для устранения Витте с поста министра финансов в политических салонах создавались о нем злые слухи (франц. *bon mot*), так называемое «общественное мнение». Оно разрасталось по городу и всей стране со скоростью света, где Витте в глазах общественности выставлялся виновником финансовых провалов, а когда потребовалось, обвинили и в развязывании войны. Начальник канцелярии Министерства императорского двора А. А. Мосолов (1854–1933) указывает, что в распространении слухов играл особую роль Яхт-клуб на Морской улице в Петербурге. В свою очередь, известная представительница «высшего света», хозяйка политического салона М. Э. Клейнмихель в своих записках открывает любопытную страницу из жизни аристократического Петербурга. Она объясняет, что «в России были два рода близких к его величеству людей: одни — выдвинутые счастливым случаем, другие — члены Яхт-клуба (особые существа), у которых все было достигнуто» [5, с. 153]. Именно они с особым энтузиазмом разносили «сенсации» по городу, которые рождались у высокопоставленной публики Яхт-клуба [7, с. 51–52].

По существу, в Яхт-клубе происходили неформальные встречи высокопоставленных лиц. В числе постоянных посетителей своим присутствием выделялись великие князья и министры (это те, у кого в жизни все было достигнуто), общение с которыми для некоторых членов клуба становилось началом карьеры (счастливчики, фавориты, как Безобразов), и наоборот, нежелательных могли свергнуть с высоких постов (в их число вошел Витте). Аристократическая партия клуба (так называемые «оптиматы», в древнем Риме — партия аристократии) создавали новости, которые молниеносно распространялись их окружением по городу; повсюду шептали: «в Яхт-клубе говорят... в Яхт-клубе находят... в Яхт-клубе решили...» [5, с. 153]. Итак, все новости из Яхт-клуба подхватывались всем городом, считая их вышедшими из достоверных источников и не подлежащими сомнению [7, с. 52].

Без преувеличения можно сказать, что Витте весьма быстро в Безобразове определил своего конкурента. Витте отличался тем, что его проницательный ум мог отличить неудачника и не сомневаться в своих догадках, каким образом Безобразов появился возле Николая II. По странному стечению обстоятельств Витте и Безобразов были членами «Священной дружины». Но ввиду того, что организация была устроена по типу масонской, то Витте мог не знать, что его конкурент из «Священной дружины». Между прочим, в их восхождении к подножию трона есть что-то мистическое, обоим в жизни представился случай быть поддержанными царской властью. Отличие их было в том, что Витте состоялся на государственной службе и к моменту, когда Безобразов появился у престола, имя министра Витте было известно не только в стране, но и за ее пределами. Безобразов же не имел яркой государственной деятельности, кроме той, что была связана с членством в Исполнительном комитете «Священной дружины».

Итак, противником Витте по дальневосточной политике становится именно А. М. Безобразов, предложивший в записке (1989 г.) на имя Николая II мирное завоевание Кореи, т. е. мирную колонизацию при помощи внедрения частных предприятий и участия в них рабочих. Коммерческую аферу на Ялу поддерживали в. кн. Александр Михайлович и гр. И. И. Воронцов-Дашков. Иными словами, все действия на Дальнем Востоке в. кн. Александра Михайловича можно квалифицировать как провокационными, поскольку он использовал родственные связи с Николаем II, вовлекая его в коррупционные махинации. Трудно объяснить тот факт, что члены бывшей тайной монархической организации «Священная дружина», созданной по инициативе Витте при Александре III, вновь собрались в окружении его сына — Николая II. Некоторые из них продолжали играть видную роль при нем и влиять на государственную политику. Так, идея Безобразова захвата Кореи по системе паука, посредством фальсифицированных частных обществ, материально обеспечиваемые со стороны правительства [2, с. 183]. Витте категорически был против корейской авантюры А. М. Безобразова при посредничестве В. М. Вонлярлярского по использованию естественных богатств Кореи. Идея показалась весьма интригующе интересной для государя. Он принял ее и всячески в этом направлении стал развивать дальневосточную политику. В этой связи была куплена лесная концессия, расположенная на территории Северной Кореи в бассейне рек Ялу и Тумен у дальневосточного купца Б. И. Бринера (отец голливудской кинозвезды Юла (Юлия Борисовича) Бриннера). В 1897 г. он приезжал в Петербург, где предложил купить у него обширную территорию, подаренную ему корейским правительством [4, с. 311]. Акционерами и учредителями нового общества стали в. кн. Александр Михайлович, гр. И. И. Воронцов-Дашков, кн. Ф. Ф. Юсупов, камергер М. В. Родзянко, И. П. Балашов, контр-адмирал А. М. Абаз. Но главную роль в этом предприятии играл отставной ротмистр кавалергардского полка А. М. Безобразов.

К сожалению, царь не замечал, что Безобразов большой фантазер. К тому же это был не реализовавшийся политический деятель и вместе с тем человек с не-

ограниченной самоуверенностью и болезненным самолюбием [4, с. 311]. Портрет Безобразова будет неполным, если не включить в него городские слухи, которыми пользовались салоны. Так, великосветская «львица» Богданович слышала (от Федорова), что Безобразов «такой взбалмошный человек, такой шалый, что от него все станет, что он может легко устроить войну». Внутренне она была возмущена тем, что тот получил широкие возможности у царя: «А какие полномочия ему даны царем, какое ему оказано доверие» (запись 3 июля 1903 г.) [1, с. 289]. Фантазии Безобразова легко укладывались в картину личных впечатлений царя о Дальнем Востоке и Сибири, полученные им по возвращении из Японии в Петербург. Поэтому главной фигурой оставался царь, с его стремлением вписаться в новые повороты государственной политики. Все эти моменты укрепляли позиции царя, он усиленно интересовался вопросами Дальнего Востока, поощряя деятельность Безобразова.

Кроме всего прочего эти фантазии должны были финансироваться, Витте приходилось быть бдительным, вовремя нейтрализовать неожиданные авантюры Безобразова и его компании. Известно, что Витте не всегда мог устоять перед ними и в концессию на Ялу были вовлечены значительные казенные средства. Поскольку при царском Дворе всегда обольщались аферистами, то Витте имел некоторую поддержку внутри министерств, направленную против различного рода авантюристов. Так, Витте имел поддержку в лице министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа, доброжелательно к нему относился и А. Н. Куропаткин, особенно взаимное понимание между ними возникло в период войны с Японией.

Получилось так, что император перестал верить в искренность и лояльность Витте. Хотя царь после своей болезни затаил обиду на Витте, однако без всяких потрясений сохранял его на посту министра, некоторое время они совместно действовали на государственном поприще. Но только до тех пор, пока вокруг царя не окрепла «безобразовская» группировка, чьи интересы по Дальнему Востоку перестали совпадать с политикой Витте.

Одновременно с давлением со стороны «безобразовцев», из Яхт-клуба против Витте стали раздаваться не только слухи, но и вести целенаправленная кампания. Отнюдь не защищая Витте, А. А. Мосолов утверждает, что кампания против Витте всегда шла из яхт-клуба [7, с. 52], а значит, ее вдохновителями являлись бывшие покровители из «Священной дружины». Преднамеренные слухи о причастности Витте к подготовке к войне с Японией, давали лишний раз повод усилить настроение против Витте в общественных кругах. На самом деле Витте в проводимой им политике стремился не прибегать к военным конфликтам. Он придерживался идеалов Александра III и официально не принуждал Николая II к боевым действиям. Напротив, всегда пытался вести дела путем переговоров, а иногда мог виртуозно лавировать, прибегая к интригам, защищая государственные интересы.

С момента назначения Витте министром путей сообщения, т. е. с начала карьеры в Петербурге, как ни странно, за ним тянулся шлейф «взяточника и афериста». В сознании общественности так или иначе укоренилось мнение, что Витте был таковым. В этом случае показательным сообщением одного из информаторов генеральши А. В. Богданович — некоего Н. Л. Маркова, как видно, из недоброжелателей Витте. Он по секрету сообщил ей, что Витте «темная личность, в полном смысле аферист» и «взяточник». И что он собирается по поводу Витте издать записку за границей, «но не под своим именем» (запись 22 февраля, 1892 г.)¹. Так повелось

¹ Богданович А. В. Три последних самодержца [1, с. 165]. Многие исследователи используют эти ярлыки о Витте, приписывая их непосредственно к словам Богданович. В действительности она добросовестно в записях дает разъяснения, с чьих слов повторяет новость (прим. автора — Н. М. Таировой).

в политической сфере, что когда кто-либо пытался скомпрометировать ту или иную личность, то прибегал к печатанию скандального материала в типографиях страны или за границей. Витте даже сам иногда прибегал к такому методу борьбы со своими противниками, если публичный человек находился под пристальным вниманием общественности. Следует отдать должное Александру III и Николаю II, они не смешивали слухи с государственной деятельностью Витте.

Между тем все более усиливался фактор присутствия России на Дальнем Востоке — все занимались прожектерством. Казалось, что за счет государства можно попытаться реализовать свои фантазии, которыми бредили наяву, приближая своими авантюрами Россию к войне с Японией. Николаю II и его окружению рисовалась картина приобретения Северной и Южной Маньчжурии, а заодно и Кореи. По свидетельству генерала А. Н. Куропаткина, государь так увлекся этим проектом, что решил и дальше шагать: ему грезился Тибет и Афганистан [4, с. 311]. Еще дальше — на горизонте — видна была Япония, а это уже была реальная война. Что же так влекло Николая II к такому исходу? Одной из причин могла быть обида за инцидент в Оцу 2 мая 1891 г., который произошел во время его юношеского морского турне. Существует вероятность того, что Николай внутри себя глубоко застал обиду на японцев. Она, действительно, могла привести Россию к «мальчишеской» войне с Японией. Но обстоятельства внутреннего и международного характера были выше и значительнее, чем юношеские переживания.

В дальневосточной политике большую роль играл и немецкий кайзер Вильгельм II, который подогревал интерес кузена Николая II к Дальнему Востоку. Он постоянно называл его «тихоокеанским адмиралом», пытаясь тем самым отодвинуть Россию подальше от европейских проблем. Соответственно, Вильгельм стремился быть гегемоном европейской политики — «адмиралом Атлантического океана» [4, с. 309]. Вот почему кайзер интриговал Николая II дальневосточной политикой, убеждая его, что на Россию возложена «священная миссия» в Азии. Чем дальше уходила бы Россия от проблем Европы (несомненно, Россия развязала бы руки кайзеру против своего союзника — Франции), тем глубже ее политика увязала бы в конфликте интересов с Японией — на Тихом океане, а с Англией — в Индии.

Поскольку тайные планы имел не только кайзер, но и непосредственное окружение императора, грезившее походами в Азию, то Николай II поддавался искушению и все более погружался в азиатскую авантюру. Дальний Восток являлся началом в становлении его государственной политики, интерес к которой однажды пробудил Витте.

Словом, С. Ю. Витте как министр финансов также увязал в политике царя. Ему приходилось на Дальнем Востоке лавировать и действовать по ситуации. Свои суждения о существующей политике, не стеснясь, распространяли в политических салонах и министерские чиновники. Так, А. В. Богданович пишет (со слов Святополка-Мирского, тов. министра внутренних дел Сипягина): можно понять, что в правительстве не существовало единой политики. Все министерства изображали из себя что Францию, кто Германию и т. д. (запись 13 июля 1901 г.) [1, с. 270]. В дальневосточной политике верх взяли доминирующие интересы «безобразовской клики», причем сама клика распадалась на группки, представляющие различные интересы. Витте понимал, что такая «задорная» политика, когда каждый тянет на себя лоскутное одеяло, может привести к укреплению позиций Японии и проигрышу России на Дальнем Востоке. В этом же русле находились представления В. И. Гурко о действиях самого Витте на Дальнем Востоке. Гурко не только свидетель событий, но и противник политики Витте. Он находился по своей должности в центре министерства внутренних дел, являясь главой Земского отдела при нем. Отсюда некоторые позиции носят ангажированный характер и не соответствуют логике вещей, т. е. представлены для Витте в нелцеприятном виде. Так, касаясь дальневосточной политики, Гурко пишет,

что Витте дескать «выкроил себе целое царство», имеющее все атрибуты самостоятельного государства на Дальнем Востоке. Это чрезмерно критическое выражение Гурко повторил вслед за В.К. Плеве, вновь избранным министром внутренних дел после убийства в 1902 г. Д.С. Сипягина. Придя к власти, Плеве повел бескомпромиссную борьбу против политики Витте. С его приходом повеяло холодом. В адрес Витте сыпались необоснованные обвинения, что он якобы создал собственное «государство Витте», в центре которого построил КВЖД, протяженностью в 2400 верст [11, с. 152, 157]. Действительно, в этом хаосе политики Витте строил некую дальневосточную республику, внутренней артерией которой являлась железная дорога. Продолжая идею Плеве, Гурко сокрушается, что Витте организовал собственное войско — Заамурскую пограничную стражу, в народе прозванную по имени любимой жены Витте Матильдиной гвардией; собственный флот и собственные финансы. В.И. Гурко, не избежав пристрастия к своему современнику, он наделяет Витте чертами узурпатора — «русское государственное начало» Витте якобы подменил на «личное усмотрение»¹.

Как известно, 15 ноября 1901 г. в Петербург прибыл японский маркиз Ито, целью его приезда было установление соглашения между Японией и Россией, которое могло бы предотвратить русско-японскую войну. Витте пишет, что по условию соглашения, представленного Ито, Россия окончательно должна была уступить Корею японской стороне и тогда Япония смогла бы примириться с фактом захвата Квантунской области и сооружения восточной ветви Китайской дороги к Порт-Артуру. Но при этом Россия должна была из Маньчжурии вывести свои войска, «оставив лишь охранную стражу железной дороги» [2, с. 223]. Но соглашение сорвалось. Между тем как всегда сработало безымянное «народное творчество» с весьма заманчивым сюжетом. Так получалось, что государственный чиновник сам построил железную дорогу и содержит свою армию, да еще по имени любимой жены. Что это? Конечно же, незыблемость собственных стереотипов (чиновники — мошенники) и множественные версии позиций оппонентов политики Витте (масштабность слухов) могли приводить порой к мистификации восприятия его портрета. И хотя сложно оценивать, где правдивость, а где злобные высказывания современников, участвующих непосредственно в политическом процессе, тем не менее, они вместе с Витте проживали ту реальность, которую сами создавали. Что же делал в это время Витте? Он стремился не потерять то, что оставалось после провальной политики «безобразовцев». Витте, как министр финансов, выполнял свой долг, ему приходилось обеспечивать финансовое содержание буферной зоны, где пролегали железнодорожные рельсы, а «Матильдиной армией» являлась охрана приграничной полосы в 85 км, прилегающая к железной дороге. На Дальнем Востоке у Витте оставалось незавершенное строительство железной дороги, свое детище он пытался оберегать и сохранять не для себя, а лишь для России. В.И. Гурко не отрицает, что обстановка неудержимо толкала не его одного, но и других государственных деятелей к побочным способам достижения своих целей. Так как Витте был публичным человеком, то во главу обвинения Гурко выдвигал интриганство в его бесконечных разновидностях. По его мнению, все, что осуществлял Витте, было направлено к одной неизменной цели — экономическому развитию России как основе ее политического могущества [4, с. 65]. Но это как раз есть та оценка, которую ожидал услышать Витте от своих современников, однако она прозвучала как запоздалое признание его деятельности.

¹ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого... [4, с. 310]. Показательно, все последующие исследователи жизни и деятельности С.Ю. Витте использовали этот отрывок из мемуаров В.И. Гурко, не объясняя реальной ситуации и приписывая Витте совершенно не свойственные ему возможности на посту министра финансов.

Как видно, Витте стремился укрепить свои позиции в дальневосточной политике, не забывая о своем тыле, хотя главный проигрыш Витте все-таки находился в Петербурге. Николай II стал целенаправленно освобождаться от бюрократического «наследства» своего отца и укреплять свое новое окружение.

Как известно, любая молва о Витте распространялась по Петербургу молниеносно в целях понижения его авторитета не столько для сознания обывателя, сколько ее направленность предназначалась для восприятия Николаем II. Разумеется, Витте приходилось отклоняться от честных правил игры. Как говорится, с волками жить по волчьей выть, в противном случае он должен был быть святым, но святых политиков не бывает. Однако в отличие от «безобразовской клики» Витте прежде всего заботился о сохранении лица государя императора перед мировым сообществом, и в том числе — чтобы не заподозрили Россию в развязывании войны. В свою очередь Николай II со всех сторон получал одни и те же сведения о Витте, совпадающие с его мнением, он постепенно убеждался в том, что становится простым зрителем в кипучей деятельности своего министра [4, с. 310].

Надо сказать, Витте никогда не упускал из виду общественное мнение, всегда чутко относился к тому, что «представляло его деятельность в неблагоприятном свете» [4, с. 282]. В его деятельности очевидна персональная ответственность — он публично мог себя защитить, т. е. ответить своим противникам, используя подставные лица. Весьма известным к 1900 г. в Петербурге был частный политический салон К. Ф. Головина, где собирались не только общественные деятели, но и представители государственного бюрократического аппарата. С 1881 г. хозяин был физически разбит параличом и утратил зрение, но продолжал служить, собирая на своих «средах» достаточно серьезно настроенную публику, так называемую, консервативную земско-дворянскую фронду, боровшуюся против абсолютной монополии бюрократии, ее влияния на принятие политических решений и стремящуюся к усилению на государственном поприще мнения дворян. Среди посетителей салона К. Ф. Головина было мнение, что Витте ведет Россию к финансовому краху. Фигура Витте первенствовала не только на государственном ареопаге, но к ней пристально, с большим пристрастием относились в этом политическом салоне.

Салон Головина представлял своеобразный экономический минифорум, где в дискуссиях применялись в качестве аргументации статистические цифры. Так, на основании дискуссии при участии тов. министра финансов В. И. Ковалевского был поднят вопрос в 1899 г. о том, что западные окраины процветают за счет центральной части империи. На основании имеющихся статистических данных была составлена рукописная брошюра под названием «Исследование экономического положения центральных черноземных губерний», автором которой был А. Д. Поленов. В брошюре материал излагался односторонне и не позволял раскрыть реальную картину. О выводах брошюры информация просочилась в прессу, что вызвало у общественности не столько интерес, сколько впечатление от статистических данных.

В свою очередь Витте, не ослабевая внимания к вопросу об оскудении центра, поручил департаменту в полном объеме осветить интересующий вопрос. Так, он поручил небольшой группе частных лиц салона (К. Ф. Головин, А. Д. Поленов) и особо приближенным к нему чиновникам Министерства финансов (Н. Н. Кутлер, В. И. Ковалевский) изучить вопрос, возникший в связи с «оскудением» черноземного центра после засухи 1897 г. В результате собранного материала был подготовлен «весьма ценный статистический сборник» под названием «Движение благосостояния с 1861 по 1900 год средних черноземных губерний по сравнению с остальными» [4, с. 279–284; Примечание: с. 720]. После назначения в 1902 г. Плеве министром внутренних дел члены салона Головина приветствовали его приход к власти, считая этот симптом началом падения Витте. Узкий круг лиц составил записку с разбором не только экономической политики Витте, но и содержащую изложение

своих *desiderata*, т. е. надежд. Эта записка была любезно принята Плеве, вероятно, она давала некоторый материал в проведении им кампании против Витте. Поддержка Плеве происходила по причине нелюбви к Витте. Как только их цель была достигнута и Витте ушел в отставку, у земледельческого дворянства не стало оснований поддерживать Плеве [там же, с. 284].

С. Ю. Витте был известен не только в России, к нему обращались коронованные особы, он решал вопросы международного характера. Так, любопытен факт, раскрывающий принципиально важную позицию Витте в отношении Болгарии. Агент французского посольства в Петербурге генерал Л. Э. Мулэн (Moulin) в порядке салонных бесед у супругов Богдановичей упомянул, что болгарский король Фердинанд, хотя и обладает исключительными возможностями управлять большим государством, однако, у него есть один недостаток: для пользы дела может менять не только убеждения, но и веру. Неудивительно, когда тот просил у российского государства взаймы для Болгарии 2 млн руб., то Витте отказал ему выдать запрошенную сумму. Министр финансов Витте, зная непостоянство в характере болгарского короля, сослался на то, что если эту сумму денег Болгария сможет получить от других, «тогда преданность ее перейдет на другую сторону». Что касается России, по мнению Витте, ей необходимо, «чтобы славянские земли были на ее стороне» (записи 28 июня 1900 г.) [1, с. 268]. Очевидно, что преданность славянских стран России Витте оценивал не выдачей денежных сумм из русской казны как подкуп или выгоду. Сила славянских стран, по мнению Витте, состоит как раз в их приверженности славянскому патриотизму и духовной принадлежности к славянскому миру.

Как видно, одна из характерных черт С. Ю. Витте — быть ответственным не только перед собой, но и перед общественностью. Именно эта черта способствовала тому, что он осторожно относился к молве и не боялся трудностей, а соответственно это делало его «лицом», или иначе — персоной государственного уровня. Здесь можно добавить, что Витте исключительно был ориентирован на намеченные цели, поэтому его реформы имели заверченный вид и свою историю успеха. Не случайно в годы правления Николая II министром самой крупной державы в мире состоялся лишь один Витте.

Литература

1. Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990.
2. Витте С. Ю. Воспоминания: Т. 2. М., 2012.
3. Гурко В. И. Царь и царица // Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.
4. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / Вступ. ст. Н. П. Соколова и др. М., 2000.
5. Дворцовые интриги и политические авантюры: записки Марии Клейнмихель / авт.-сост. В. М. Осин. М., 2014.
6. За кулисами царизма: архив тибетского врача Бадмаева. М., 2011. С. 78–79, 82.
7. Мосолов А. А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб.: Наука, 1992.
8. На изломе эпох: вклад С. Ю. Витте в развитие российской государственности. Исследования и публикации. Т. II. С. Ю. Витте и его современники. СПб., 2014.
9. Новая история стран зарубежного Востока. Т. II / под. ред. И. М. Рейснера и Б. К. Рубцова. М.: Изд-во Московского университета, 1952.
10. Политическая интрига и судебный процесс в античном мире. СПб., 2015.
11. Романов Б. А. Витте как дипломат (1895–1903 гг.) // Вестник Ленингр. гос. ун-та. 1945. № 4–5.
12. Суворов В. В. Князь Э. Э. Ухтомский: жизнь, деятельность, идейное наследие: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Саратов, 2011.
13. Шишов А. В. Витте. Финансовый гений последних Романовых. М., 2004.

References

1. Bogdanovich A.V. *Three last autocrats* [Tri poslednikh samoderzhitsa]. M., 1990. (rus)
2. Witte S. Yu. *Memoirs* [Vospominaniya]: V. 2. M., 2012. (rus)
3. Gurko V.I. *Tsar and Queen* [Tsar' i tsaritsa] // Nicholas II. *Memoirs. Diaries* [Nikolai II. Vospominaniya. Dnevnik]. SPb., 1994. (rus)
4. Gurko V.I. *Lines and silhouettes of the past: The government and the public in Nicholas II's reign in the image contemporary* [Cherty i siluety proshlogo: Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika] / Introduction of N. P. Sokolov, etc. M., 2000. (rus)
5. *Palace intrigues and political adventures: Maria Kleynmikhel's notes* [Dvortsovye intrigi i politicheskie avantyury: zapiski Marii Kleinmikhel'] / collector V.M. Osin. M., 2014. (rus)
6. *Behind the scenes of a tsarism: Archive of the Tibetan doctor Badmayev* [Za kulisami tsarizma: arkhiv tibetskogo vracha Badmaeva]. M., 2011. P. 78–79, 82. (rus)
7. Mosolov A.A. *At court of the last emperor. Notes of the chief of staff of the minister of the yard* [Pri dvore poslednego imperatora. Zapiski nachal'nika kantselyarii ministra dvora]. SPb. : Science [Nauka], 1992. (rus)
8. *On a break of eras: S.Yu. Witte's contribution to development of the Russian statehood*. Researches and publications. V. II. S.Yu. Witte and his contemporaries [Na izlome epokh: vklad S.Yu. Vitte v razvitie rossiiskoi gosudarstvennosti. Issledovaniya i publikatsii. T. II. S.Yu. Vitte i ego sovremenniki]. SPb., 2014. (rus)
9. *Modern history of the countries of the foreign East* [Novaya istoriya stran zarubezhnoy Vostoka]. V. II. / Under edition of I.M. Reysner and B.K. Rubtsov. M. : Publishing house of the Moscow University [Izd-vo Moskovskogo universiteta], 1952. (rus)
10. *A political intrigue and trial in a classical antiquity* [Politicheskaya intriga i sudebnyi protsess v antichnom mire]. SPb., 2015. (rus)
11. Romanov B.A. *Witte as diplomat (1895–1903)* [Vitte kak diplomat (1895–1903 g.g.)] // Messenger of the Leningrad State University [Vestnik Leningr. gos. un-ta], 1945. № 4–5. (rus)
12. Suvorov V.V. *Prince E. E. Ukhtomsky: life, activity, ideological heritage* [Knyaz' E. E. Ukhtomskii: zhizn', deyatel'nost', ideinoe nasledie]. Dissertation abstract, 2011. (rus)
13. Shishov A.V. *Witte. Financial genius of the last Romanov's* [Vitte. Finansovy genii poslednikh Romanovykh]. M., 2004. (rus)